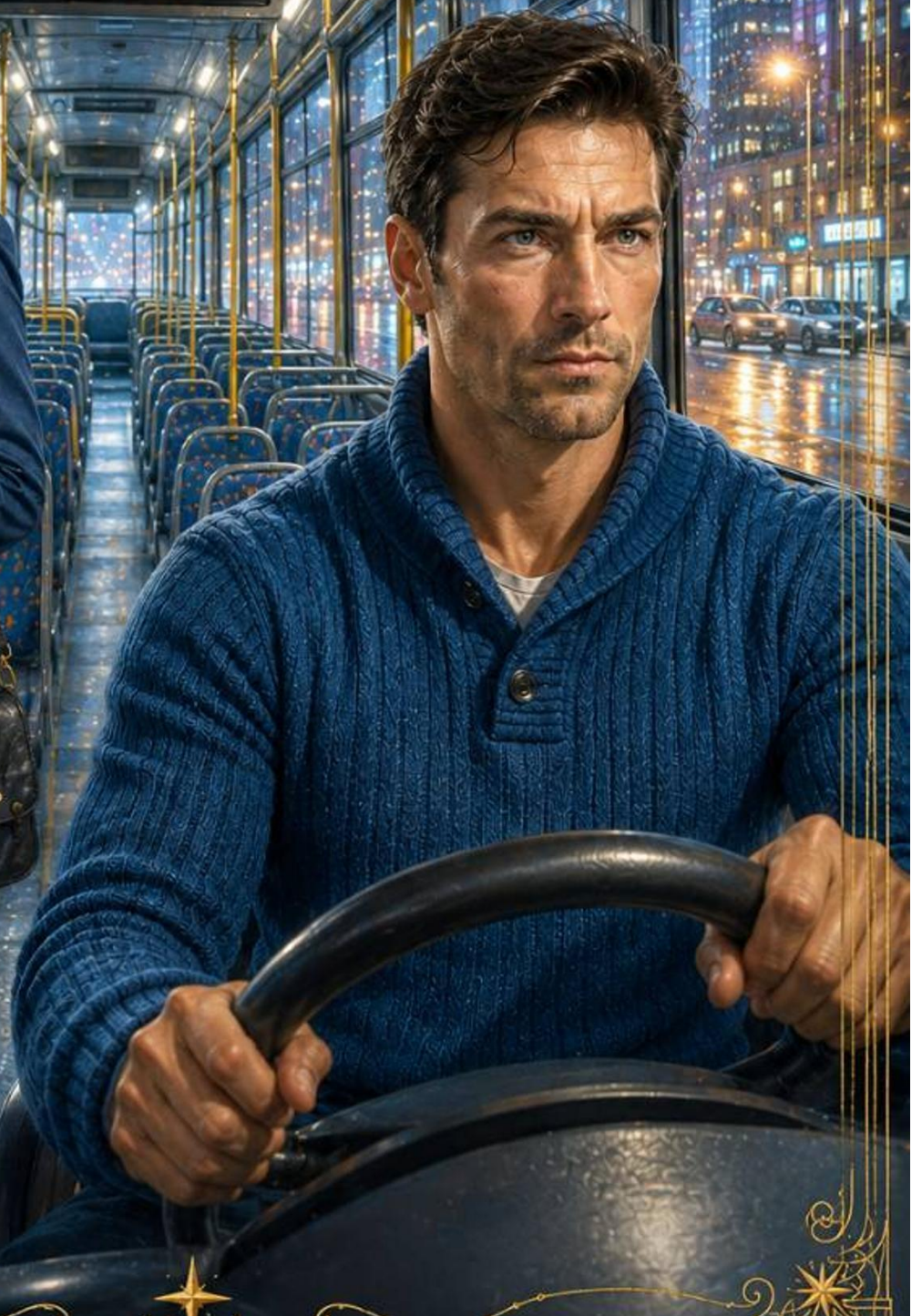

Натали Рош

НОЧНОЙ МАРШРУТ

В Парк

Натали Рош
Ночной маршрут

«Автор»

2026

Рош Н.

Ночной маршрут / Н. Рош — «Автор», 2026

Каждую ночь по городу идёт автобус, которого нет в расписании. Маршрутное табло горит словами: «В ПАРК». Он появляется на любой улице, в любом городе, а иногда — в любом веке. Говорят, он может отвезти туда, где человек получит шанс прожить какой-то момент заново. Илья - водитель. На все вопросы отвечает с интонацией "Я знаю, чем всё закончится, но мне лень объяснять". Он не просто ведёт автобус, он удерживает его на границе миров. Его суперсила - абсолютное, почти скучающее спокойствие. Ася - кондуктор. У неё в сумке вместо катушки с билетами - валидатор, который выдаёт подсказки пассажирам. Её суперсила - эмпатия, доведённая до сарказма. Она видит болевые точки пассажиров и не может не подкалывать их, чтобы немного расшевелить. Всё идёт своим чередом, пока однажды ночью в автобус не садится нулевой пассажир. Его появление запускает ряд событий, в которых Илье и Асе придётся спасти свой рейс от закрытия. А заодно выяснить, что случится, если перестать бояться своей остановки.

© Рош Н., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Нулевой пассажир	5
Глава 2. Пассажир, который не удивляется	8
Глава 3. Зеркало заднего вида	12
Глава 4. Утро, которое всё-таки было	16
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Натали Рош

Ночной маршрут

Глава 1. Нулевой пассажир

Дождь монотонно барабанил по крыше автобуса. Стрелки на приборной панели дрожали чуть заметно — ровно так, как дрожит зрачок у человека, который вот-вот сойдёт. Илья знал эту дрожь. Он работал на этом автобусе достаточно долго, чтобы понимать: тот нервничает.

— Что у нас? — спросила Ася, не поднимая головы от валидатора. Она протирала его замшевой тряпочкой, хотя тот никогда не пачкался.

— Пока не знаю, — ответил Илья, глядя в зеркало заднего вида. Там отражался пустой салон — ряды сидений, тусклые поручни, жёлтый свет. Дорога позади тонула в дождевой взвеси. — Но у меня чай остыл за две минуты. Это плохой знак.

Ася хмыкнула и убрала тряпочку в карман форменного пиджака.

— Может, просто термос дырявый?

— У меня термос — произведение искусства. Ему сорок лет. Он пережил распад СССР, мою бывшую жену и одну остановку в тринадцатом веке.

Автобус мягко качнуло на повороте. За окнами проплывали мокрые фасады домов, светофоры отражались на асфальте красными и зелёными кляксами. Ночной город был пуст, как театр после спектакля.

Маршрутное табло над лобовым стеклом светилось ровным оранжевым: «В ПАРК».

Остановка возникла из дождя — стандартная стеклянная коробка с рекламой какого-то мобильного оператора. Внутри стоял человек.

Илья сбросил скорость. Автобус заурчал ниже, почти недовольно.

— Видишь его? — спросил Илья.

— Вижу. Пальто дорогое. Портфель кожаный. Спина прямая, — Ася прищурилась. — Стоит как памятник. Памятник Неопознанному Чиновнику.

— Памятники в автобус не заходят.

— Этот зайдёт.

Они остановились. Двери с пневматическим вздохом разъехались в стороны. В салон шагнул мужчина лет пятидесяти, в сером пальто, с лицом человека, который привык, что его ждут. От него пахло одеколоном, мокрой шерстью и чем-то ещё — едва уловимым, как запах старых книг. Он не огляделся по сторонам, не спросил маршрут. Просто встал у кабины водителя и коротко кивнул.

— Добрый вечер.

— Добрый, — отозвался Илья.

Мужчина полез в карман пальто, но Ася уже шагнула к нему, держа валидатор наготове.

— Просто приложите руку, — сказала она.

Пассажир чуть приподнял бровь, но руку протянул. Ладонь была сухая, тонкая, с аккуратными ногтями.

Ася поднесла валидатор. Щелчок — и из щели выполз белый бумажный билет. Она взглянула на него и замерла. На нём почти ничего не было написано. Только бледно-серым шрифтом: ДЕЛО №0

Ася перевернула билет. Обратная сторона была пуста.

— Что-то не так? — спросил пассажир.

— Нет, — соврала она с той особенной интонацией, которую Илья выучил за годы их совместной работы. Интонация означала: «Всё катастрофически не так, но я разберусь».

Она протянула билет пассажиру.

— Проходите в салон. Присаживайтесь.

Мужчина взял билет, мельком глянул на него, убрал в карман и прошёл в середину салона. Сел у окна, поставил портфель на колени, уставился в темноту за стеклом.

Двери закрылись. Автобус тронулся.

Ася вернулась к кабине и встала у плеча Ильи, опираясь на поручень.

— Покажи, — сказал он, не оборачиваясь.

Она молча поднесла валидатор к его лицу. На маленьком дисплее горела та же надпись: Дело №0.

— Нулевых пассажиров не бывает, — проговорил Илья.

— Я знаю.

— Либо он не отсюда, либо не человек, либо и то, и другое.

— Я знаю, Илья.

Он обернулся. В тусклом свете кабины его лицо казалось вырезанным из тёмного дерева — острый подбородок, глубокие складки у рта.

— Что ты чувствуешь?

Ася помолчала. Она редко отвечала на этот вопрос. Её интуиция была такой же частью автобуса, как двигатель или рулевое колесо, но она не любила, когда Илья относился к ней как к приборной панели.

— Ничего, — сказала она. — Вообще ничего. Как будто его нет в салоне. Как будто он пустое место.

— А он сидит.

— Сидит. И пахнет одеколоном. Но я не чувствую его. Совсем.

Илья перевёл взгляд на зеркало заднего вида. Пассажир сидел неподвижно, прямой, как линейка. На его лице не отражалось ни скуки, ни тревоги, ни ожидания. Так выглядит человек, который знает расписание лучше водителя.

— Ладно, — сказал Илья. — Поехали по маршруту. Посмотрим, где он выйдет.

— А если не выйдет?

— Тогда будем думать.

— Ты умеешь думать за рулём?

— Я умею всё за рулём. Кроме танцев. Танцы — это к тебе.

— Кто тебе сказал, что я танцую?

— Ты каждую ночь танцуешь вокруг пассажиров. Просто без музыки.

Ася фыркнула и отошла в салон. По пути она одёрнула шторку на окне, хотя та не сбилась. Ей нужно было чем-то занять руки. Руки помнили, как дрогнул валидатор, когда она приложила его к ладони нулевого пассажира. Так дрожит прибор, когда измеряет то, чего не должно существовать.

Они проехали три остановки.

На первой в автобус села женщина в плаще. Валидатор выдал ей билет: АДРЕС: УЛ. САДОВАЯ, 14. ВРЕМЯ: 19:47. 2004 ГОД. Женщина прочитала, вздохнула, скомкала билет и села в угол. Обычный пассажир. Обычное сожаление. Ася даже не стала её инструктировать — женщина явно ехала не в первый раз.

На второй остановке никто не сел.

На третьей автобус дёрнулся и заглох.

— Илья? — Ася резко обернулась к кабине.

Двигатель молчал. Свет в салоне мигнул и погас на секунду, оставив только аварийное освещение — тусклое, синеватое. Женщина в плаще испуганно вжалась в сиденье. Нулевой пассажир не шелохнулся.

Илья повернул ключ зажигания. Автобус не отозвался.

— Проблемы? — спросил пассажир. Его голос звучал ровно, без тени беспокойства.

— Мелкая поломка, — ответила Ася, не глядя на него. — Сидите, пожалуйста.

Она прошла в кабину и плотно закрыла за собой дверь.

— Что? — спросила она шёпотом.

Илья показал на приборную панель. Все датчики стояли на нуле. Кроме одного — указателя маршрута. Там, где обычно горел номер, теперь мигало одно слово: ОШИБКА.

— Автобус не хочет ехать, — сказал Илья. — Он никогда не глохнет.

— Значит, он боится.

— Автобус не умеет бояться.

— Ты тоже не умел, научился же.

Илья хотел возразить, но осёкся. Она была права. До встречи с Асей он водил этот автобус как машину. Теперь он водил его как живое существо.

— Ладно, — сказал он. — Будем действовать по протоколу.

— У нас нет протокола для нулевых пассажиров.

— Значит, придумаем.

Он снова повернул ключ. На этот раз — медленно, почти ласково, как будто уговаривая двигатель проснуться. Автобус вздрогнул. Где-то в его железном нутре что-то щёлкнуло, загудело, и панель ожила. Зажглись фары, загорелось табло. Маршрутный номер исчез, сменившись надписью: «СЛЕДУЮЩАЯ — ПО ЗАПРОСУ».

— Куда мы едем? — спросила Ася.

— Не знаю, — ответил Илья, отпуская сцепление. — Но автобус выбрал маршрут сам. Значит, пассажир — его выбор.

— Или его хозяин.

Илья ничего не ответил. Автобус мягко тронулся и поплыл в дождь, в ночь, в улицы, которые становились всё более незнакомыми.

Ася вышла из кабины и окинула салон взглядом. Женщина в плаще тихо плакала, уткнувшись в воротник. Нулевой пассажир сидел ровно, глядя в окно.

Глава 2. Пассажир, который не удивляется

Автобус ехал, а улицы за окном становились всё менее похожими на город, который Илья знал. Нет, дома стояли те же — хрущёвки, панельки, стеклянные офисы, — но в их окнах горел свет не того оттенка. Слишком белый. Или не горел вовсе, хотя часы показывали половину двенадцатого ночи, а не три утра.

— Мы где? — спросила Ася, вернувшись в кабину и усевшись на откидной стульчик рядом с водителем. Стульчик скрипнул с интонацией «не нравится мне всё это».

— Понятия не имею, — ответил Илья. — Навигатор пишет: «Построение маршрута невозможно». Я ему сочувствую.

— Ты сочувствуешь навигатору?

— Я сочувствую всем, кто пытается понять, куда мы едем. Даже если это прибор.

Ася покосилась на него, пытаясь понять, шутит он или уже нет. Решила, что шутит. С Ильей это трудно было различить.

— Ладно, — сказала она, — у нас в салоне два пассажира. Одна плачет, и это нормально. Второй сидит как музейный экспонат и не проявляет признаков душевной жизни. Это ненормально.

— Может, он просто сдержанный.

— Он сдержанный, как бомба с таймером. Я к нему подходила. От него не фонит.

— Чем не фонит?

— Ничем. Вообще. Люди фонят. Страхом, надеждой, чувством вины, неловкостью за вчерашний тост на корпоративе. А этот — тишина. Как будто его выключили.

Илья прислушался к двигателю. Двигатель работал ровно, но на пределе слышимости — так мурлычет кот, когда в доме чужой.

— Может, он и есть бомба, — сказал он задумчиво. — Метафорическая.

— Метафорические бомбы — по твоей части, Илья. Я по практической.

— Да? И что ты предлагаешь практически?

— Высадить его на ближайшей и посмотреть, исчезнет ли он.

— А если он исчезнет вместе с ближайшей?

— Тогда мы хотя бы поймём, с чем имеем дело.

Илья вздохнул и снова посмотрел в зеркало заднего вида. Нулевой пассажир сидел в той же позе, что и десять минут назад. Прямой. Руки на портфеле. Глаза — в окно.словно он позировал для портрета «Человек, который не удивляется».

— Знаешь, что меня напрягает? — спросил Илья.

— Что у тебя в термосе чай остыл, ты уже говорил.

— Нет. Меня напрягает, что он ни разу не спросил, почему билет бесплатный и что значит «Дело №0». Любой нормальный человек спросил бы. Даже ненормальный спросил бы. Даже призрак спросил бы. А этот — нет.

— Может, он слепой и не прочитал?

— Слепые не смотрят в окно с таким видом, будто узнают пейзаж.

Ася хотела ответить, но не успела. Женщина в плаще встала со своего места и, пошатываясь, пошла к выходу.

— Моя остановка, — сказала она тихо.

Ася переглянулась с Ильей и вышла в салон.

Женщина в плаще оказалась молодой — лет тридцати, не больше. Лицо бледное, под глазами разводы туши. В руке — скомканный билет.

— Я правильно понимаю, — спросила она, глядя на Асю, — мне нужно просто выйти?

— Просто выйти, — подтвердила Ася. — И прожить тот момент заново. Не исправить. Просто... пережить.

— И это поможет?

— Обычно да. Иногда нет. Гарантий не даём. Мы — автобус, а не психотерапевтическая скорая.

Женщина нервно улыбнулась.

— Вы всегда так... успокаиваете пассажиров?

— Стараюсь. Если переусердствовать, они начинают верить в чудеса. А чудеса — это просто пробелы в понимании причинно-следственных связей.

Илья из кабины хмыкнул.

— Ася, ты цитируешь меня или философский словарь?

— Я цитирую тебя, когда ты трезв.

— Я всегда трезв. Я за рулём.

Женщина переводила взгляд с одного на другого с выражением человека, который случайно сел не в тот автобус, но решил, что менять уже поздно.

Автобус остановился. Двери открылись. За ними была улица Садовая, 2004 год, но не сама улица. Там был коридор — длинный, тускло освещённый, с рядом дверей по обе стороны.

— Это... оно? — спросила женщина.

— Ваш момент, — сказала Ася. — Идите. Только не забудьте: что бы вы там ни увидели, это уже случилось. Вы просто зритель. Зритель с правом на антракт, но без права переписать пьесу.

Женщина кивнула, прижала руки к груди и шагнула в коридор. Двери за ней закрылись.

— Как думаешь, справится? — спросила Ася.

— Справится, — ответил Илья. — Они всегда справляются. Кроме тех, кто не справляется.

— Твоя уверенность бесценна.

— Я знаю.

Когда автобус тронулся, нулевой пассажир, наконец, пошевелился. Он повернул голову и посмотрел прямо в кабину.

— Долго ещё? — спросил он.

Вопрос был таким обычным, таким будничным, что Ася на секунду растерялась.

— Что «долго»? — переспросила она.

— До конечной.

— Мы не знаем, где ваша конечная, — сказала Ася. — Ваш билет не показывает адрес.

— А вы не пробовали спросить у меня?

Ася и Илья переглянулись. Это было настолько просто, что ни один из них не додумался.

— Хорошо, — сказала Ася, скрестив руки. — Куда вы едете?

Нулевой пассажир чуть заметно улыбнулся — одними уголками губ.

— Я еду к вам. Точнее, за вами.

В салоне повисла тишина. Двигатель заурчал ниже, почти угрожающе.

— За нами? — переспросила Ася. — В смысле «за нами»? Как посылка? Как наказание?

— Как инспектор, — сказал мужчина. — Моя фамилия — Рошин. Глеб Аркадьевич.

Департамент по надзору за аномальными маршрутами. Ваш рейс подлежит проверке.

— У нас нет лицензии, — сказал Илья из кабины.

— Я знаю.

— У нас нет маршрутного листа.

— Я знаю.

— У нас даже аптечки нет. Только термос.

— Термос — это хорошо, — сказал Рошин. — Чай с бергамотом?

— С мятой, — ответил Илья.

— Жаль. Я предпочитаю бергамот.

Ася слушала этот диалог с ощущением, что присутствует при разговоре двух котов, которые решают, кому принадлежит территория. Территорией, судя по всему, был их автобус.

— Минуточку, — сказала она, выставляя вперёд ладонь. — Вы хотите сказать, что знаете, что мы работаем без лицензии?

— Именно.

— И вы пришли нас проверить?

— Именно.

— И для этого вы сели в автобус как нулевой пассажир и молчали полчаса?

— Я собирался с мыслями. И наблюдал.

— И как?

Роцин чуть склонил голову набок, разглядывая Асю.

— Наблюдается систематическое нарушение протоколов. Вы не инструктируете пассажиров. Вы отпускаете ироничные комментарии. И, кажется, вы флиртуете с водителем в рабочее время.

— Мы не флиртуем, — сказала Ася.

— Мы обсуждали термос, — добавил Илья.

— Это одно и то же, — сказал Роцин. — В вашем случае.

Ася хотела возразить, но поняла, что возразить нечего. Илья молчал, но по его затылку чувствовалось, что он улыбается.

— Хорошо, — сказала Ася. — Допустим, вы инспектор. Допустим, Департамент существует. Что дальше? Вы закроете маршрут?

— Это зависит от результатов проверки.

— И что нам делать, чтобы результаты были... положительными?

— Для начала, — сказал Роцин, поправляя портфель, — вам нужно признать, что ваш автобус неисправен.

— Он не неисправен, — возразил Илья. — Он просто своенравный.

— Он заглох на ровном месте.

— Он не на ровном. Там был небольшой подъём.

— Подъём метафорический?

— Любой подъём метафорический, если подумать.

Роцин вздохнул и постучал пальцами по портфелю.

— Ладно, — сказал он. — Давайте по-другому. Я предлагаю сделку.

— Какую? — спросила Ася.

— Я не закрываю ваш маршрут. Более того, я помогаю вам разобраться с тем, почему автобус глохнет. Но взамен вы берёте меня в рейс. Настоящий рейс. Не «проконтролировать», а «проехать как пассажир». Мне нужно кое-что исправить. Личное.

Ася и Илья переглянулись. На их языке «личное» было самым опасным словом. Оно означало, что пассажир не просто хочет пересмотреть прошлое. Он хочет его изменить. А это было запрещено. Или почти запрещено. Или разрешено, но только если очень нужно. Короче, это был серый протокол.

— Что именно вы хотите исправить? — спросила Ася.

— Я скажу, когда придёт время.

— Время приходит на каждой остановке. У нас график.

— У вас нет графика. У вас маршрутное табло с надписью «В ПАРК». Это не график, это философия.

Ася вздохнула. Она ненавидела, когда пассажиры начинали философствовать. Особенно пассажиры с портфелями.

— Илья? — позвала она.

— Ась?

— Что думаешь?

Илья помолчал. Стрелка спидометра дрогнула и поползла вверх, хотя он не нажимал на газ.

— Думаю, он врёт, — сказал Илья. — Но враньё интересное. Такое стоит послушать хотя бы до следующей остановки.

— Это значит «да»? — спросил Рошин.

— Это значит «продолжайте врать, мы записываем».

Рошин чуть улыбнулся и откинулся на спинку сиденья.

— Договорились, — сказал он.

Автобус снова качнуло, и маршрутное табло над лобовым стеклом сменило надпись. Теперь там горело: «СЛЕДУЮЩАЯ: УТРО, КОТОРОГО НЕ БЫЛО»

— Это что-то новенькое, — пробормотала Ася.

— Это его остановка, — сказал Илья. — То, что он хочет исправить.

— Или то, что он хочет нам показать.

— Одно другому не мешает.

Автобус нырнул в тоннель, которого секунду назад не существовало. Дождь за окнами стих. Свет в салоне стал мягким, утренним, золотистым.

Где-то впереди брезжил рассвет.

Глава 3. Зеркало заднего вида

Рассвет, которого не было, оказался обманкой. Автобус вынырнул из тоннеля не в утро, а в странные сумерки — за окнами висел густой сизый туман, подсвеченный невидимым источником света. Ни домов, ни деревьев, ни дорожных знаков. Только пустая дорога, уходящая в белизну, как в вату.

— Красиво, — сказал Рошин, глядя в окно. — Что это?

— Понятия не имею, — ответила Ася. — Обычно у нас за окном хотя бы что-то есть. Это что-то новенькое.

— Может, ландшафт подбирается под пассажира? — предположил Илья, не оборачиваясь. — Пустота за окном, пустота в душе. Символизм.

— Спасибо, я в курсе, что у меня пустота в душе, — сказал Рошин. — Не надо её иллюстрировать.

Ася хмыкнула и пересела ближе к нему — на сиденье через проход. Валидатор она держала в руке, как диктофон.

— Раз уж у нас вынужденная пауза, — сказала она, — может, ответите на один вопрос?

— Зависит от вопроса.

— Что вы здесь делаете? На самом деле.

— Я же сказал: проверка.

— Проверка — это предлог. Я чувствую.

Рошин помолчал, разглядывая её лицо. Потом перевёл взгляд на зеркало заднего вида, в котором отражался Илья.

— А вы сами? — спросил он. — Вот вы, кондуктор. Как вы понимаете свою функцию?

Ася чуть улыбнулась. Она ждала этого вопроса.

— Мы даём людям второй шанс, — сказала она. — Не исправить — понять. Увидеть свой дурацкий поступок в хорошем качестве и с субтитрами. Иногда этого хватает, чтобы перестать таскать его за собой.

— А если не хватает?

— Тогда человек садится в автобус снова. Через месяц, через год, через десять лет.

Рошин кивнул и посмотрел на затылок Ильи.

— А вы, водитель? Ваша формулировка?

Илья ответил не сразу. Он чуть крутанул руль, хотя дорога была идеально прямой.

— Зеркало заднего вида, — сказал он наконец. — Мы показываем то, что уже позади, но всё ещё влияет на рулёжку. Если в зеркале темно — ехать легче. Если там кто-то маячит — лучше притормозить и разобратся.

— Поэтично, — заметил Рошин. — Но расплывчато.

— Я не пишу инструкций. Я вожу.

Рошин откинулся на спинку и сложил руки на портфеле.

— Значит, вы не спасаете, не лечите, не судите. Просто везёте.

Ася фыркнула.

— А «просто везти» — это, по-вашему, мало? Попробуйте довезти человека от его лжи до его же правды и не слететь с дороги. Это вам не такси, Глеб Аркадьевич.

— И не каждый пассажир доезжает, — добавил Илья. — Некоторые выходят на полпути. Возвращаются обратно в ту же кашу. Но это их выбор. Мы не навязываем.

— А если пассажир хочет не понять, а изменить? — спросил Рошин. Голос его стал тише на полтона. — Переиграть.

Ася посмотрела на него в упор.

— Тогда мы его высаживаем. Без возврата.

— Почему?

— Потому что изменить нельзя. Можно только перестать таскать это за собой. Я уже говорила.

В салоне повисла пауза. Рошин чуть заметно отвёл глаза — впервые с момента посадки. Его пальцы сжались на ручке портфеля.

— Вы поэтому боитесь своей собственной остановки? — спросил он тихо.

— В каком смысле? — Ася напряглась.

— Вы возите других, но сами не выходите. Ни вы, ни он. — Рошин кивнул в сторону кабины. — Почему?

Илья и Ася переглянулись в зеркале заднего вида. Это был долгий взгляд — из тех, что заменяют целый разговор.

— Потому что наша остановка ещё не наступила, — сказала Ася.

— Или потому что вы боитесь, что на ней вы расстанетесь?

Тишина. Двигатель заурчал громче, как будто автобус тоже прислушивался к ответу.

— Мы не обязаны отвечать на этот вопрос, — сказал Илья.

— Разумеется, — согласился Рошин. — Но я же не пассажир. Я инспектор.

— Вот именно. Вы — не пассажир.

Рошин чуть улыбнулся — той же едва заметной улыбкой, что и прежде.

— Хорошо. Тогда давайте по-другому. Я расскажу вам, зачем я здесь на самом деле. А вы решите, высаживать меня или нет.

Ася скрестила руки. Илья чуть сбавил скорость.

— Слушаем, — сказала она.

Рошин расстегнул портфель и достал тонкую папку. На обложке значилось: «Дело №0. Рейс бессрочный. Водитель: И. С. Кондуктор: А. В.»

— Ваш маршрут появился семь лет назад, — начал он. — Сначала Департамент не обращал внимания. Аномальные рейсы случаются: кто-то возит души, кто-то — воспоминания, кто-то — просто опаздывающих. Но вы стали проблемой.

— Почему? — спросила Ася.

— Потому что вы работаете без протокола. Вы импровизируете. Вы даёте пассажирам больше, чем положено.

— Больше понимания? — уточнил Илья.

— Больше надежды. Надежда — опасная штука. Она заставляет людей думать, что они могут всё исправить. А это, как вы сами сказали, невозможно.

— И что, Департамент против надежды?

— Департамент за порядок, — отрезал Рошин. — Порядок — это когда каждый знает своё место. Пассажиры — проживают и забывают. Водители — ведут. Кондукторы — пробируют билеты. А вы что делаете? Вы разговариваете с ними. Вы шутите. Вы даёте им чай из термоса.

— Термос — это святое, — подал голос Илья. — Я предупреждал, что без аптечки, но с термосом.

Рошин пропустил реплику мимо ушей.

— Месяц назад поступил приказ: либо привести ваш маршрут в соответствие с регламентом, либо закрыть.

— А привести в соответствие — это как? — спросила Ася.

— Убрать человеческий фактор. Автобус должен сам выполнять функцию. Без водителя. Без кондуктора.

В салоне повисла тишина. Даже двигатель, казалось, затих на мгновение.

— То есть нас — в утиль? — уточнила Ася.

— Я не говорил «в утиль». Я сказал «привести в соответствие».

— Это одно и то же.

— Нет. Можно перевести вас на другой маршрут. Можно предложить... альтернативу.

— Какую? — спросил Илья.

Рошин помедлил.

— Я ещё не решил. Поэтому я здесь. Чтобы посмотреть на вас в деле. Понять, стоите ли вы того, чтобы ради вас нарушать приказ.

Ася медленно выдохнула и посмотрела на Илью. Тот поймал её взгляд в зеркале и едва заметно кивнул.

— Хорошо, — сказала она. — Хотите посмотреть в деле — смотрите. У нас как раз следующая остановка.

— Какая? — спросил Рошин.

Ася взглянула на табло. Там по-прежнему горело: «УТРО, КОТОРОГО НЕ БЫЛО».

— Ваша, — сказала она. — Мы едем в ваше прошлое, Глеб Аркадьевич. Вы хотели что-то исправить? Сейчас посмотрим, что именно.

Рошин побледнел. Это было заметно даже в тусклом свете салона.

— Я не...

— Вы сели в автобус, — перебила его Ася. — Билет пробит. Остановка выбрана. Таковы правила. Даже для инспектора.

— Даже для инспектора Департамента?

— Особенно для инспектора Департамента.

Илья прибавил скорость. Туман за окнами начал расступаться, и впереди проступили очертания города — незнакомого, но странно реального. Утро. Солнце только-только поднялось над крышами. Улицы были пусты и влажны после ночного дождя. Где-то вдалеке заиграла музыка — старая, едва слышная мелодия.

Рошин смотрел в окно, и лицо его менялось. Уходила маска сдержанности, уходила ирония. Оставалось что-то другое. Что-то очень личное.

— Это же... — начал он.

— Что? — спросила Ася.

— Это утро. То самое. Которого не было.

— Теперь будет, — сказала она. — Готовьтесь. Остановка через три минуты.

Автобус свернул в переулок и остановился у старого пятиэтажного дома. Двери открылись. В салон ворвался запах мокрой листвы и свежего хлеба.

— Мы подождём здесь, — сказала Ася. — Не спешите. Время там идёт иначе. Что бы вы ни хотели сделать — просто сделайте. Но помните: изменить нельзя.

— Что же тогда можно? — спросил Рошин хрипло.

— Понять. И, может быть, впервые сказать то, что не сказали тогда.

Рошин встал. Портфель остался лежать на сиденье. Он вышел из автобуса, шагнул на мокрый асфальт и остановился, глядя на дом.

Двери закрылись. Ася перебралась в кабину и села на свой скрипучий стульчик.

— Как думаешь, что у него там? — спросила она.

— Утро, — ответил Илья. — Которого не было.

— Это я прочитала. А подробнее?

— Подробнее — это его личное. Мы не лезем в личное.

— Мы только что влезли.

— Мы предоставили транспорт. А транспорт не обязан знать, что везёт. Транспорт просто везёт.

Ася покачала головой и достала из кармана мятную карамельку.

— Знаешь, что меня пугает?

— Что мы можем остаться без работы?

— Нет. Что он сказал правду про нашу остановку.

Илья ничего не ответил. Он смотрел на дом, в котором исчез Роцин. В одном из окон на третьем этаже зажёгся свет — жёлтый, тёплый, живой.

— Может, и правду, — сказал он. — Но бояться будем потом. Сейчас у нас пассажир в прошлом. И он ещё не вернулся.

Глава 4. Утро, которое всё-таки было

Свет в окне на третьем этаже погас. Рошин не возвращался уже двенадцать минут. Ася засекла время по старому циферблату над лобовым стеклом — единственному прибору в кабине, который не врал, не мигал и не пытался философствовать. Он просто показывал время. За это Ася его уважала.

— Двенадцать минут, — сказала она. — Там, внутри, это сколько?

— Зависит от тяжести воспоминания, — ответил Илья, помешивая чай в крышке термоса. — Лёгкое сожаление — час-два. Средней тяжести — сутки. Если он до сих пор не вышел...

— Значит, там полная катастрофа?

Для прошлого, которое проживают заново, это могло быть и часом, и целым днём, и одним коротким разговором в прихожей. Время в таких остановках текло по своим законам — автобус только подвозил, но не контролировал.

— Долго он, — сказала Ася, разворачивая вторую карамельку.

— У него утро, которого не было, — отозвался Илья. — Такое быстро не проживают. Обычно люди застревают на фразе «я должен был сказать». Или «я должна была промолчать». Или на том и другом одновременно.

— Ты говоришь как человек, который сам там застревал.

— Я говорю как профессионал.

— Профессионал с личным опытом.

— Одно другому не мешает.

Ася хотела ответить что-то едкое, но передумала. В конце концов, Илья имел право на личный опыт. Она просто не знала, какой именно. За семь лет совместной работы они рассказали друг другу ровно столько, сколько можно рассказать на ночных сменах, — то есть почти всё о пустяках и почти ничего о главном.

— Как думаешь, — спросила она, — он вернётся другим?

— Все возвращаются другими. Вопрос — насколько.

— А если он попытается изменить?

— Тогда автобус высадит его.

— Автобус или ты?

Илья чуть повернул голову.

— Ты задаёшь много вопросов для кондуктора.

— А ты слишком мало — для водителя, который везёт инспектора Департамента в его личный ад.

— Я везу не в ад. Я везу в утро.

— Иногда это одно и то же.

Дверь дома открылась. Рошин вышел на крыльцо — медленно, как человек, который только что пробежал марафон и ещё не понял, что финишировал. Он постоял, глядя на небо, потом поправил воротник и направился к автобусу.

Ася встала и прошла в салон. Двери открылись. Рошин шагнул внутрь. Лицо его было бледным, но спокойным. Таким спокойным, какое бывает только после очень сильного волнения.

— Доброе утро, — сказала Ася.

— Доброе, — ответил он. — Хотя технически оно не утро. И не доброе. Но спасибо.

— Проходите. Присаживайтесь.

Он встал у поручня, глядя в окно на дом, который медленно таял в тумане. Автобус тронулся.

— Хотите рассказать? — спросила Ася.

— Нет.

— Это правильно. Пассажиры обычно не рассказывают. Но иногда им становится легче.

— Мне не станет.

— Вы в этом уверены?

Роцин перевёл взгляд на неё.

— Вы всегда такая настойчивая?

— Только в рабочее время. В нерабочее я сплю.

— А когда у вас нерабочее?

— Никогда. Мы вроде как бессрочный рейс. Вы же читали досье.

Роцин чуть усмехнулся. Усмешка вышла кривоватой, но искренней.

— Читал, — сказал он. — Но в досье не было пункта «способна довести пассажира до нервного смеха».

— Это потому что ваш Департамент не считает юмор частью протокола.

Илья из кабины подал голос:

— Ася, не мучай инспектора. Он только что пережил то, чего не было. Дай ему привыкнуть к тому, что оно теперь есть.

— Я не мучаю. Я проявляю профессиональное участие.

— У тебя профессиональное участие похоже на допрос.

— Это потому что ты никогда не был на допросе.

— Был. Один раз. Ты меня допрашивала.

Роцин переводил взгляд с одного на другого.

— Вы всегда так общаетесь?

— Всегда, — ответили они хором.

— И вам не надоедает?

— Надоедает, — сказала Ася.

— Но мы терпим, — добавил Илья. — Ради пассажиров.

— Ради пассажиров? — переспросил Роцин.

— Конечно. Если мы перестанем препираться, автобус заглохнет. Двигатель работает на эктоплазме недосказанности, это топливный ритуал. Проверено опытным путём.

Роцин помолчал, переваривая услышанное. Потом сел на ближайшее сиденье.

— Знаете, — сказал он, — когда я садился в этот автобус, я думал, что увижу трагедию. Драму. Может быть, эпическую битву с судьбой.

— А увидели? — спросила Ася.

— Увидел двух людей, которые спорят о термосе посреди временной аномалии.

— И как вам?

— Необычно.

— Это комплимент?

— Это наблюдение.

Ася села напротив него.

— Хорошо. Давайте тогда другое наблюдение. Вы провели в своём прошлом несколько минут по нашему времени. Что вы поняли?

Роцин опустил глаза.

— Что я был прав.

— В чём?

— В том, что хотел изменить.

— Но вы не изменили?

— Нет. Я попытался. Я хотел сказать другие слова. Важные слова. Но губы произнесли ровно то, что я сказал тогда. Как будто рот помнил лучше, чем голова.

Ася кивнула.

— Это стандарт. Тело помнит прошлое лучше, чем мы думаем. Поэтому изменить нельзя. Можно только пережить.

— Я пережил, — сказал Рошин. — И понял, что те слова — они были правильные. Просто мне понадобилось пятнадцать лет, чтобы это понять.

— Пятнадцать лет и одна поездка в автобусе.

— Да. Спасибо за рейс.

— Пожалуйста. Оплата при входе.

— Но я не платил.

— Вы заплатили временем. И нервами. У нас принимают и такую валюту.

Рошин снова усмехнулся. На этот раз усмешка была чуть ровнее.

— Вы опасные люди, — сказал он.

— Мы знаем, — ответила Ася. — Но Департамент пока не придумал, как нас утилизировать.

— Я работаю над этим.

— Работайте. А пока работаете — не желаете чаю? У Ильи термос.

— С мятой?

— С мятой.

— Несите.

Ася прошла в кабину, взяла термос и две кружки. Когда она вернулась, Рошин сидел, откинувшись на спинку, и смотрел в потолок автобуса. Там, на потолке, едва заметно пульсировала оранжевая полоска маршрутного табло.

— Оно всегда так делает? — спросил он.

— Что?

— Мигает. Как сердцебиение.

Ася подняла голову. Полоска действительно пульсировала — медленно, ритмично.

— Обычно нет, — сказала она. — Обычно просто горит.

— А сейчас?

— Сейчас... — она прислушалась к своим ощущениям. — Сейчас оно довольно.

— Автобус бывает довольным?

— Бывает. Особенно когда пассажир возвращается не с пустыми руками.

— Я ничего не принёс.

— Вы принесли понимание. Это самый важный груз. Автобус такое любит.

Рошин принял кружку и сделал глоток.

— Хороший чай.

— Илья заваривает. С чаем у него отношения серьёзные.

— А с вами?

— Что — со мной?

— У него с вами отношения серьёзнее, чем с чаем?

Ася чуть не поперхнулась.

— Это вопрос не по протоколу.

— Я инспектор. Я могу задавать вопросы не по протоколу.

— Можете. Но я могу не отвечать.

— Можете. Но ваше молчание — уже ответ.

Ася посмотрела на него с любопытством.

— А вы изменились, Глеб Аркадьевич. Когда садились — были памятником. Сейчас — почти человек.

— Это чай, — сказал Рошин. — С мятой.

— Это не чай. Это утро, которого не было. Оно всё-таки случилось.

Роцин ничего не ответил. Он смотрел в окно, за которым снова сгушался туман, и молча пил чай.

Автобус ехал сквозь белую мглу, и в салоне было тихо, только двигатель урчал где-то внизу, как большой зверь.

Ася вернулась в кабину и села на свой стульчик.

— Ну что? — спросил Илья.

— Он в порядке. Почти. Он спросил про нас.

— Что именно?

— Серьезнее ли у тебя отношения со мной, чем с чаем.

Илья помолчал.

— И что ты ответила?

— Ничего... Илья?

— Ась?

— А они серьезнее?

Он не ответил. Только чуть крепче сжал руль.

Маршрутное табло мигнуло и сменило надпись:

«СЛЕДУЮЩАЯ: РАЗГОВОР, КОТОРОГО НЕ ИЗБЕЖАТЬ»

Ася прочитала и вздохнула.

— Кажется, это уже не про Роцина.

— Кажется, нет, — согласился Илья.

— И что будем делать?

— Поедем. Мы же автобус. Мы просто везём.

— Просто везём, — повторила она. — Конечно. Просто.

И автобус поплыл дальше — в туман, в сторону разговора, которого они оба боялись уже семь лет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.